

Научная статья

JEL: K12

УДК: 347.468

DOI:10.17323/2072-8166.2026.1.161.190

Срок поручительства: взгляд через призму позиций Конституционного Суда Российской Федерации

Андрей Анатольевич Павлов

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия 199106, Санкт-Петербург, 22-я линия В.О., 7,

andreyapavlov73@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2062-6321>,
Researcher ID M-1446-2015

Аннотация

В статье анализируются актуальные вопросы срока поручительства (срока залога третьего лица), которые получили отражение в актах Конституционного Суда Российской Федерации (в постановлениях от 15.04.2020 № 18-П и от 26.02.2024 № 8-П). Исследуется вопрос о природе срока поручительства (срока залога третьего лица), освещается проблема соотношения этого срока и срока исковой давности. Обращается внимание на аргументы Суда, признавшего, что срок поручительства (срок залога третьего лица) является пресекательным сроком. Этот подход является традиционным для современной российской цивилистической науки и судебной практики. Однако он показывает отсутствие системности в нормативном использовании сроков исковой давности и пресекательных сроков. Продемонстрирована необходимость выработки в российском праве четкой и непротиворечивой доктрины пресекательных сроков, наподобие той, что существует в германском праве. Анализируется также вопрос о допустимости применения к сроку поручительства (сроку залога третьего лица) по аналогии предписаний главы 12 Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности. Раскрыта целесообразность подобной аналогии и в российском праве. Отдельно анализируется тезис Конституционного Суда о том, что потребность в особой правовой защите поручителя (залогодателя — третьего лица) посредством пресекательных сроков детерминирована желанием законодателя устранить неопределенность правового положения такого лица в отношении чужого для него долга.

Демонстрируется важность этого вывода. Отмечается, что его принятие может привести к коренному изменению правоприменительной практики. В частности, будут исключены темпоральные ограничения, установленные п. 6 ст. 367 Гражданского кодекса, для поручителей (залогодателей), которые лишь формально имеют статус третьего лица, а в действительности обеспечивают экономически собственный долг. В процессе исследования использовались общенаучные методы (классификация, обобщение, описание, сравнение, анализ, синтез и другие) и юридические методы: логическое, системное и телеологическое толкование, а также метод сравнительного правоведения.

Ключевые слова

поручительство; залог третьего лица; срок поручительства; пресекательный срок; срок исковой давности; перерыв исковой давности; приостановление исковой давности.

Благодарности: статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Павлов А.А. Срок поручительства: взгляд через призму позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Том 19. № 1. С. 161–190. DOI:10.17323/2072-8166.2026.1.161.190

Research article

Guarantee Term: A View through Prism of Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Andrey A. Pavlov

Saint Petersburg State University, 22 Line, Saint Petersburg 199106, Russia,
andreypavlov73@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2062-6321>, Researcher ID M-1446-2015

Abstract

The article analyzes current issues regarding of the guarantee term (period of third-party pledge), as reflected in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: Resolution No. 18-P of April 15, 2020, and Resolution No. 8-P of February 26, 2024. The nature of the guarantee term (period of third-party pledge) is examined, and the relationship between the term and limitation period is discussed. Attention is drawn to the arguments of the Constitutional Court, that has recognized the guarantee term (period of third-party pledge) as a preclusive period. This approach is traditional in modern Russian civil law and judicial practice. However, this approach reveals a lack of consistency in the normative use of limitation period and preclusive period. The article demonstrates the need to develop a clear and consistent doctrine of preclusive

periods in Russian law, similar to that in German law. The admissibility of applying the provisions of Chapter 12 of the Civil Code of the Russian Federation on the limitation period to the guarantee term (period of third-party pledge) is also analyzed. The validity and appropriateness of such an analogy in Russian law are demonstrated. In particular, the possibility and appropriateness of applying the rules on the suspension, non-running, interruption, and renewal of the limitation period to the guarantee term (period of third-party pledge) are examined. The thesis of the Constitutional Court of the Russian Federation that a need for special legal protection for the guarantor (the pledgor — a third party) through preclusive periods is determined by the desire of the legislator to eliminate uncertainty of his legal status as a person who secures someone else's debt (Resolution of 15.04.2020 No. 18-P) is analyzed separately. The importance of this conclusion is demonstrated. It is noted the adoption of this conclusion could lead to a fundamental change in judicial practice. In particular, the temporal restrictions established by paragraph 6 of Article 367 of the Civil Code of the Russian Federation will be eliminated for guarantors (pledgors) who only formally have the status of a third party, but in reality economically secure their own debt. The study utilized general scientific methods (classification, generalization, description, comparison, analysis, synthesis, and others) and legal (methods: logical, systemic, and teleological interpretation). Comparative law was also used as a research method.

Keywords

guarantee; pledge of third party; guarantee term; preclusive term; limitation period; interruption of the limitation period; suspension of the limitation period.

Acknowledgements: The article is published within the project of supporting the publications of the authors of the Russian educational and research organizations in the HSE academic publications.

For citation: Pavlov A.A. (2026) Guarantee Term: A View through Prism of Position of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 19, no. 1, pp. 161–190 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2026.1.161.190

Введение

Согласно п. 6 ст. 367 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)¹, «поручительство прекращается по истечении указанного в договоре поручительства срока, на который оно дано. Если такой срок не установлен, оно прекращается при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного поручительством обязательства не предъявит иск к поручителю. Когда срок исполнения основного обязательства не указан и не может быть определен или определен моментом востребования, поручительство прекращается, если кредитор не предъявит

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Здесь и далее все ссылки на российские нормативные акты и судебную практику приводятся по СПС Консультант Плюс по состоянию на 25.12.2025.

иск к поручителю в течение двух лет со дня заключения договора поручительства». В силу абзаца 2 п. 1 ст. 335 ГК РФ эти правила применяются и к залогу третьего лица.

За последние несколько лет Конституционный суд Российской Федерации (далее — КС РФ) дважды обращался к этим правилам: в постановлениях от 15.04.2020 № 18-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 335 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Тюрина» и от 26.02.2024 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 6 статьи 367 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Стройпрогресс»».

С первого взгляда может показаться, что сделанные Судом выводы далеки от революционных и во многом повторяют подходы, ранее уже озвученные в литературе и судебной практике. Однако эти постановления КС РФ позволяют заново взглянуть на вопросы природы соответствующих сроков и порядка их исчисления, проверить и оценить корректность и достаточность аргументации имеющихся решений. Кроме того остается не до конца понятным и отрефлексированным современной цивилистической доктриной конституционно-правовое толкование, данное КС РФ в постановлении от 15.04.2020 № 18-П. Оно касается целей введения сроков п. 6 ст. 367 ГК РФ и в значительной степени влияет на сферу применения соответствующих правил.

1. Природа срока, установленного в п. 6 ст. 367 ГК РФ

Согласно точке зрения, господствующей в российской цивилистической доктрине, установленный в п. 6 ст. 367 ГК РФ срок поручительства / залога третьего лица носит пресекательный (преклюзивный) характер [Бевзенко Р.С., 2013: 78]; [Сарбаш С.В., 2021: 411].

Данный подход традиционен. Схожая природа признавалась в отечественной литературе и за сроками поручительства, закрепленными в ст. 250 ГК РСФСР (1922) и ст. 208 ГК РСФСР (1964), формулировка которых тождественна п. 6 ст. 367 нынешнего Кодекса [Агарков М.М., Генкин Д.М., 1944: 115]; [Кириллова М.Я., 1966: 148–150]. Однако нельзя не отметить, что в литературе советского периода существовала и иная позиция. Так, ряд авторов настаивал, что указанные сроки являются специальными сроками исковой давности [Абрамов С.Н., 1946: 9]; [Ринг М.П., 1955: 28–29]; [Июффе О.С., 1975: 180–181].

В пользу преклюзивного характера рассматриваемого срока обычно ссылаются на буквальный текст закона. Так, по мнению Р.С. Бевзенко, формулировки п. 6 ст. 367 ГК РФ («поручительство прекращается», а не «иск должен быть предъявлен поручителем в течение...») недвусмысленно свидетельствуют в пользу того, что установленные сроки являются сроками существования поручительства, а не сроками исковой давности [Карапетов А.Г., 2017: 496].

Взгляд на соответствующий срок как на пресекательный разделяет и правоприменительная практика. Такой вывод прямо отражен в абз. 5 п. 33 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» и в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве». Поддерживается он и в текущей практике высших судебных инстанций². Пресекательным считает этот срок и КС РФ. Этот вывод прямо отражен в уже упоминавшихся постановлениях КС от 15.04.2020 № 18-П и от 26.02.2024 № 8-П.

Вместе с тем следует согласиться с А.В. Асосковым, что правовые последствия истечения срока поручительства / залога третьего лица являются не критерием, в соответствии с которым определяется правовая природа этого срока, а следствием его отнесения к тому или иному виду сроков [Асосков А.В., 2018: 49]. Для определения подлинной природы срока необходимо обращаться к анализу целей, преследуемых его введением, т.е. к телеологическому толкованию исследуемой нормы.

Подобный подход для обоснования природы срока, установленного в п. 6 ст. 367 ГК РФ как пресекательного использовал в Постановлении от 15.04.2020 № 18-П КС РФ. Он указал, что именно правопрекращающий срок необходим, чтобы исключить бессрочное существование обязательства обеспечителя — третьего лица. Только такой срок создает определенность в правоотношениях должника в обеспечительном обязательстве и кредитора, позволяет предвидеть имущественные последствия предоставления обеспечения и стимулирует участников гражданского оборота к своевременной реализации прав.

---

² См., в частности: постановление Президиума ВС РФ от 23.03.2022 № 317-ПЭК21; определения ВС РФ от 29.05.2018 № 41-КГ18-16, от 30.03.2022 № 303-ЭС21-25594, от 06.12.2022 № 305-ЭС22-19852, от 24.01.2023 № 305-ЭС22-23203, от 16.02.2023 № 305-ЭС22-23203 и др.

Обозначенные КС РФ цели, безусловно, важны и с соответствующими утверждениями Суда трудно не согласиться. Однако стоит отметить, что ни стимулирующая функция, ни обеспечение правовой определенности не являются особенностями именно преклюзивных сроков. Установление давностных сроков преследует те же цели [Карапетов А.Г., 2025: 795–796]. Это признает и сам КС РФ. Так, он неоднократно указывал, что институт исковой давности обеспечивает «создание правовой определенности, стабильности и предсказуемости в сфере гражданского оборота, устойчивости правовых связей между участниками правоотношений, их дисциплинирование» и «одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав»³.

По мнению А.В. Асоскова, пресекательные сроки устанавливаются в отношении субъективных прав, которые изначально возникают и существуют как ограниченные временными рамками. Цель их установления — учет интересов потенциально неограниченного круга третьих лиц, обеспечение предсказуемости и правовой определенности в гражданских правоотношениях. При этом защита ожиданий конкретного должника и учет сформировавшейся видимости нежелания кредитора осуществлять свое право отходят на второй план [Асосков А.В., 2018: 50].

Однако с этих позиций обосновать необходимость установления именно пресекательного срока поручительства / залога третьего лица, на наш взгляд, проблематично. Признавая за этим сроком преклюзивный характер, правопорядок защищает вовсе не публичные интересы и не интересы неограниченного круга лиц, а интерес конкретного обеспечителя. Заслуживает ли всякий обеспечитель подобной повышенной (патерналистской) защиты — вовсе не очевидно.

Также нельзя не заметить, что срок, установленный в п. 6 ст. 367 ГК РФ, является сроком на защиту нарушенного права, поскольку основанием для обращения кредитора к обеспечителю — третьему лицу является допущенное (пусть и основным должником) нарушение. При этом соответствующий срок установлен именно для судебной защиты прав кредитора. Так, в одном из дел Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) прямо указал, что «основанное на поручительстве требование должно быть реализовано в

---

³ См.: определения КС РФ от 03.11.2006 № 445-О, от 25.04.2023 № 897-О, от 04.07.2023 № 1784-О; постановления КС РФ от 20.07.2011 № 20-П, от 31.10.2024 № 49-П. См. также: определения ВС РФ от 19.05.2020 № 38-КГ20-1, от 04.08.2022 № 306-ЭС22-8161, от 20.12.2022 № 305-ЭС22-17040 и № 305-ЭС22-17153, от 01.08.2023 № 301-ЭС23-4997, от 21.11.2023 № 305-ЭС23-15021.

процессуальной форме — посредством предъявления иска, который направлен на осуществление права кредитора по отношению к поручителю»⁴. Таким образом, являясь сроком на защиту нарушенного права в судебном порядке, соответствующий срок тем самым дублирует функционал исковой давности.

Если согласиться, что срок поручительства / залога третьего лица является пресекательным, то само его наличие не устраняет вопроса о сроке исковой давности по требованию кредитора к поручителю / залогодателю — третьему лицу. С.В Сарбаш верно отмечает: «Суждение Пленума о том, что к срокам поручительства не подлежат применению положения об исковой давности, не означает, что требование кредитора к поручителю не давнится... При нарушении прав кредитора в период действия договора поручительства кредитор вправе предъявить к поручителю иски с учетом общего срока исковой давности» [Сарбаш С.В., 2021: 421—422]. В результате наблюдается удвоение сроков: в отношении требований кредитора к обеспечителю — третьему лицу одновременно действуют и пресекательные и давностные сроки. Целесообразность такого дублирования при том, что соответствующие сроки выполняют схожие функции, вызывает определенные сомнения.

Квалификация срока поручительства / залога третьего лица как пресекательного плохо вписывается и в догматические построения. Наиболее серьезный вклад в доктрину пресекательных сроков был сделан в германской цивилистике, откуда понятие пресекательных сроков было реципировано российским правом. При этом в германской правовой системе классификация сроков основана на делении всех субъективных прав на притязания, направленные на понуждение обязанного лица к совершению определенных действий или воздержанию от них (*Ansprüche*), и иные субъективные права, чье действие ограничено определенным сроком, в том числе абсолютные права (*absolute Rechte*) и секундарные права (*Gestaltungsrechte*). Для притязаний в германской системе применяются сроки исковой давности (*Verjährungsfristen*), а для иных указанных субъективных прав — пресекательные сроки (*Ausschlussfristen*) [Асосков А.В., 2018: 52].

Требование кредитора к поручителю / залогодателю — третьему лицу является классическим притязанием (иском о присуждении в защиту обязательственного права), причем таким иском непосредственно не затрагиваются права и интересы третьих лиц. С точки зрения доктринальной чистоты соответствующий срок должен был бы быть именно давностным сроком.

⁴ Определение ВС РФ от 16.02.2023 № 305-ЭС22-23203.

Сказанное позволяет утверждать, что несмотря на практически единодушный подход правоприменительной практики и поддержку в современной цивилистической литературе, восприятие срока, установленного в п. 6 ст. 367 ГК РФ как пресекающего, является не самым удачным и догматически верным решением. В связи с этим стоит согласиться, что *de lege ferenda* этот срок можно и нужно сформулировать в качестве специального срока исковой давности [Карапетов А.Г., 2025: 805].

Актуальный отечественный подход, настаивающий на природе соответствующего срока как пресекающего, предопределяет, что последствия истечения срока предъявления требования к обеспечителю «в отличие от последствий пропуска срока исковой давности (п. 2 ст. 199 ГК РФ) применяются судом по своей инициативе, независимо от заявления стороны в споре»⁵. Объясняя такое применение, КС РФ указывает, что «это соответствует требованиям защиты прав такого обеспечителя при соблюдении баланса интересов участвующих в сложившихся правоотношениях лиц».

На первый взгляд, подобное утверждение догматически оправдано. Если истечение пресекающего срока влечет прекращение материального права как такового, то соответствующий иск кредитора основан на несуществующем праве и должен быть отклонен судом *ex officio* при условии, что материалы дела позволяют суду обнаружить данное обстоятельство.

Однако сам рассматриваемый срок установлен исключительно в целях защиты конкретного лица—обеспечителя. Ввиду этого применение судом соответствующего срока *ex officio*, во-первых, вступает в противоречие с принципом автономии воли участников оборота. Оно навязывает защиту лицу (обеспечителю), не заявляющему о ее необходимости. Будучи ответчиком по иску, обеспечитель способен самостоятельно заявить об истечении соответствующего срока. Во-вторых, применение судом последствий истечения срока поручительства / залога третьего лица по собственной инициативе нарушает принцип состязательности, установленный в ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)⁶ и ст. 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)⁷ и являющийся основой гражданского (арбитражного) процесса. Вопреки этому принципу, в споре двух частных лиц

---

⁵ Постановление КС РФ от 15.04.2020 № 18-П // СПС Консультант Плюс.

⁶ Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ.

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ.

между собой, не затрагивающем никаких публичных интересов, суд «начинает играть» за одного из участников спора. В результате это не только не способствует «соблюдению баланса интересов сторон», как на том настаивает КС РФ, а, на наш взгляд, грубо попирает этот баланс [Тюшевская А.Ю., 2023: 179–194].

Обращает на себя внимание, что в зарубежных правовых порядках на уровне законодательства и доктрины отсутствует универсальное решение вопроса о допустимости применения пресекательных сроков *ex officio*. Иностранные правовые порядки предпочитают решать его дифференцированно, в зависимости от характера такого срока и способа его установления. В частности, в Нидерландах многие исследователи поддерживают запрет на *ex officio* применение пресекательного срока в ситуации, когда цель его установления состоит в защите не публичного интереса, а интересов частного лица-ответчика, и такой подход встречается в судебной практике [Smeehuijzen J.L., 2008: 341–355].

2. Порядок исчисления срока, установленного в п. 6 ст. 367 ГК РФ

Даже если согласиться, что срок поручительства / залога третьего лица не является сроком давности, возникает вопрос об исчислении этого срока. Этот вопрос становится тем актуальнее, если помнить, что в отличие от ряда зарубежных правовых порядков, детально регламентирующих правила исчисления пресекательных сроков⁸, отечественное позитивное право традиционно подобных предписаний не содержит. «Учения о преклюзивных сроках, можно сказать, не существует... Позитивное право тоже ничего, кроме идентичного вывода, не дает. Никакого влияния пресекательных сроков законом, в том числе в части влияния на них тех или иных обстоятельств, не установлено» [Сарбаш С.В., 2021: 420]. Соответствующих правил нет ни в качестве универсальных, применительно к пресекательным срокам в целом, ни в отношении отдельных частных таких сроков, в том числе в отношении исчисления срока поручительства / залога третьего лица.

В связи с этим закономерно возникает идея применять к сроку, установленному в п. 6 ст. 367 ГК РФ, правил гл. 12 ГК РФ об исчислении давностных сроков по аналогии.

---

⁸ См., напр.: ст. 2964–2969 ГК Италии, ст. 2566–2572 ГК Аргентины, ст. 328–333 ГК Португалии, ст. 207–211 ГК Бразилии, ст. 2.545–2.550 ГК Румынии, ст. 409–412 ГК Молдовы.

Актуальная отечественная судебная практика высказывается в целом против подобной аналогии. При этом нельзя не заметить, что высшие судебные инстанции делают вывод о неприменении предписаний гл. 12 ГК РФ к сроку поручительства / залога третьего лица, в том числе о недопустимости перерыва, приостановления или восстановления такого срока, исключительно из тезиса, что срок данного поручительства / залога не является сроком исковой давности. Так, они констатируют: «Указанные сроки не являются сроками исковой давности, к ним не подлежат применению положения главы 12 ГК РФ»⁹; «к отношениям с участием залогодателя—третьего лица не применяются правила главы 12 ГК РФ об исковой давности, в частности нормы о приостановлении и перерыве течения срока исковой давности и о его восстановлении»¹⁰; «сроки поручительства не являются сроками исковой давности, и к ним не подлежат применению положения главы 12 ГК РФ. Это означает, что срок действия поручительства является пресекательным сроком существования самого обеспечительного обязательства; он не может быть продлен, восстановлен, приостановлен либо прерван»¹¹.

При этом нельзя не заметить, что правила исчисления рассматриваемого срока постулируются на основе противопоставления режиму давностного срока: если закон говорит об определенном элементе динамики давностного срока (например, возможности его приостановления или перерыва), то утверждается, что пресекательные сроки имеют прямо противоположное качество.

В доктрине уже обращалось внимание на некорректность подобного методологического приема: «Ни другим институтам гражданского права, ни общей теории права не знакомо формулирование правил-антиподов на основе проведения различий между двумя схожими правовыми категориями» [Асосков А.В., 2018: 57–58]; [Карпетов А.Г., 2025: 808].

Соглашаясь с тем, что «цивилистическая наука должна не ограничиваться противопоставлением пресекательных сроков срокам исковой давности, а заниматься содержательным анализом тех решений, которые будут оптимальными для различных видов пресекательных сроков» [Асосков А.В., 2018: 58], ниже мы попробуем показать целесообразность и уместность применения по аналогии к

---

⁹ Абзац 5 п. 33 постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.2012, абзац 3 п. 42 постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2020. Примечательно, что в Проекте постановления подобные правила изначально отсутствовали и были включены в текст только после заседания Пленума ВС РФ.

¹⁰ Постановление КС РФ от 15.04.2020 № 18-П.

¹¹ Постановление Президиума ВС РФ от 23.03.2022 № 317-ПЭК21.

сроку поручительства / залогу третьего лица практически всего комплекса правил об исчислении давностных сроков.

Прежде всего принципиальная возможность такого применения вполне присуща зарубежным правовым порядкам. Так, в ряде гражданско-правовых кодификаций (в частности, ст. 328 и п. 1 ст. 332 ГК Португалии¹², ст. 207 ГК Бразилии¹³) прямо указано на применение некоторых норм о давности к пресекательному сроку. Законодательство других стран (например, ст. 2964 ГК Италии¹⁴, ст. 2567 ГКК Аргентины¹⁵, ст. 2.548 ГК Румынии¹⁶, ст. 410 ГК Молдовы¹⁷) говорит неприменении к пресекательным срокам отдельных предписаний о приостановлении и прерывании давности лишь в качестве общего правила, тут же предусматривая возможность установления из него исключений, специально указанных в законе. При этом данные кодификации не исключают или даже прямо допускают применение к пресекательным срокам по аналогии иных норм о давностных сроках (зачастую адаптируя подобные правила соответствующим образом). Наконец, в отдельных странах идут еще дальше и прямо устанавливают по умолчанию применимость правил об исчислении исковой давности к пресекательным срокам (например, ст. 279 ГК Греции¹⁸, п. 2 § 654 ГК Чехии¹⁹).

В странах же, которые не содержат общего регулирования пресекательных сроков (например, в Австрии, Германии, Нидерландах), возможность применения по аналогии отдельных норм об исковой давности к пресекательным срокам на судебную защиту активно обсуждается и признается на уровне доктрины и правоприменительной практики [Fenyves A., Kerschner F., Vonkilch A., 2012: 53–66]; [Moufang O., 1996: 87–92, 109–111]; [Smeehuijzen J.L., 2008: 337–374].

¹² Available at: URL: https://www.pgdlisboa.pt/leis/lei_mostra_articulado.php?nid=775&tabela=leis (дата обращения: 25.12.2025)

¹³ Available at: URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/2002/110406com-pilada.htm (дата обращения: 25.12.2025)

¹⁴ Available at: URL: <https://www.brocardi.it/codice-civile/libro-sesto/titolo-v/capoi-art2964.html> (дата обращения: 25.12.2025)

¹⁵ Available at: URL: <https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/235000-239999/235975/texact.htm> (дата обращения 25.12.2025)

¹⁶ Available at: URL: [https://portal.just.ro/300/SiteAssets/SitePages/bine/Codul%20Civil%202009\(r1\).pdf](https://portal.just.ro/300/SiteAssets/SitePages/bine/Codul%20Civil%202009(r1).pdf) (дата обращения: 25.12.2025)

¹⁷ Available at: URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30397878&pos=474;257&doc_id2=30397878&pos2=3181;246 (дата обращения: 25.12.2025)

¹⁸ Available at: URL: <https://www.lawspot.gr/nomothesia/astikos-kodikas/> (дата обращения: 25.12.2025)

¹⁹ См.: Nový občanský zákoník 2012. Praha, 2014. P. 71.

В отечественной литературе нет единодушного мнения о допустимости применения к рассматриваемому сроку правил об исчислении сроков исковой давности. Ряд авторов настроен против такого применения [Агарков М.М., Генкин Д.М., 1944: 115]; [Гурвич М.А., 1961: 42]; [Шнигер Д.О., Долгушин А.Е., 2021: 137–146]. Однако, как правило, подобные утверждения выдвигаются в качестве аксиоматичных и не имеют должной аргументации.

Одновременно в современной доктрине все чаще раздаются голоса в пользу принципиальной возможности применения к сроку поручительства / залога третьего лица по аналогии закона правил об исчислении исковой давности [Сарбаш С.В., 2021: 420–422]; [Тюшевская А.Ю., 2023: 179–194]; [Карапетов А.Г., 2025: 805–806, 808–809].

Такой подход в качестве генерального может быть поддержан.

В силу п. 1 ст. 6 ГК РФ аналогия закона возможна при условии: (а) наличия пробела в правовом регулировании; (б) существования правил, регламентирующих сходные отношения [Карапетов А.Г., 2020: 441–464]. Оба этих условия налицо в рассматриваемом сюжете. Как указывалось выше, в отечественном праве отсутствует регламентация вопросов динамики как пресекательных сроков в целом, так и срока поручительства / залога третьего лица, в частности. При этом сроки, установленные в п. 6 ст. 367 ГК РФ, выполняют тождественные с давностными сроками цели, что позволяет говорить о сходстве правовых ситуаций. К аналогичным выводам относительно допустимости применения к пресекательным срокам правил об исчислении сроков исковой давности приходят и приходят зарубежные исследователи [Smeehuijzen J.L., 2008: 337–340].

Однако после констатации общей допустимости указанной аналогии закона следует обратиться к анализу правил гл. 12 ГК РФ. Какие из них возможно и целесообразно применять к сроку поручительства / залога третьего лица?

Вполне применимы по аналогии к рассматриваемому пресекательному сроку предписания ст. 201 ГК РФ о течении давности при переходе права требования или долга. Впрочем, тот же вывод можно обосновать применением общих правил ст. 386, 392 ГК РФ о судьбе возражений при переходе требования или долга.

Допустимо и уместно применение по аналогии оснований приостановления срока, связанных с объективными обстоятельствами вне контроля кредитора, которые препятствуют его обращению в суд.

Подпункт 1 п. 1 ст. 202 ГК РФ указывает на приостановление исчисления давностного срока в подобных обстоятельствах. Такое же приостановление видится разумной реакцией на соответствующие

обстоятельства и в отношении сроков, установленных в п. 6 ст. 367 ГК РФ.

Так, одним из востребованных случаев приостановления сроков является сюжет «восстановления» обеспечения — например, в результате конкурсного оспаривания прекращения самого обеспечения или конкурсного оспаривания прекращения обеспечиваемого обязательства²⁰. Если в подобном случае, восстановив обеспечение, мы далее констатируем, что оно все равно прекращено, поскольку за время до оспаривания (пока обеспечение находилось в «юридическом лимбе») продолжал исчисляться и истек соответствующий годичный срок, восстановление окажется издевательством над здравым смыслом и интересами кредитора, признавая важность которых правопорядок и восстанавливал обеспечение [Актанов Д.Д., 2023: 142–146]. Наиболее адекватно применять в подобной ситуации пп. 1 п. 1 ст. 202 ГК РФ по аналогии и приостанавливать исчисление сроков, указанных в п. 6 ст. 367 ГК РФ, на все время от момента незаконного прекращения обеспечения до момента эффективного оспаривания такого прекращения.

Другой сюжет. Если имели место подлинные обстоятельства непреодолимой силы, которые исключали для кредитора возможность обратиться в суд с иском к поручителю (например, в результате стихийного бедствия населенный пункт, в котором проживает кредитор, оказался на время отрезан от внешнего мира), справедливо ли игнорировать это при исчислении срока поручительства? Одновременно заметим, что в отношении тех же обстоятельств, исключающих возможность обращения кредитора в суд с иском к основному должнику, в силу пп. 1 п. 1 ст. 202 ГК РФ срок исковой давности будет приостановлен. Кажется, нет никаких оснований для дифференцированного решения в отношении исков к основному должнику и поручителю, если характер соответствующей причины и степень ее влияния на возможность кредитора обратиться в суд абсолютно одинакова в обоих случаях. В силу принципа «равному — равное» и в отношении срока поручительства должно происходить его приостановление, так же как такое приостановление происходит в отношении давностного срока к основному должнику.

С.В. Сарбаш приходит к схожему выводу о необходимости применения к пресекательному сроку по аналогии правил пп. 2 п. 1 ст. 202 ГК РФ, устанавливающих приостановление давностного срока,

²⁰ См.: определение ВС РФ от 27.04.2018 № 305-ЭС17-2344(13), Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2018) (утв. Президиумом ВС РФ 14.11.2018).

когда истец или ответчик находится в составе Вооруженных сил РФ, переведенных на военное положение [Сарбаш С.В., 2021: 421].

Кажется не только возможным, но и целесообразным применение к сроку поручительства правил гл. 12 ГК РФ об альтернативных процедурах урегулирования спора. Так, согласно п. 3 ст. 202 ГК РФ обращение к ADR-процедурам (например, процедуре медиации) является основанием для приостановления течения давностных сроков. Аналогичный эффект должен, на наш взгляд, наступать и для сроков, установленных в п. 6 ст. 367 ГК РФ. В противном случае мы можем столкнуться с ситуацией, когда поручитель, например, сначала недобросовестно инициирует заключение с кредитором соглашения о медиации, а затем выйдет из этого соглашения и откажется исполнять предъявленное ему кредитором требование, сославшись на то, что за время медиации истек срок поручительства.

Конечно, в качестве альтернативного пути защиты кредитора в подобной ситуации можно было бы заблокировать ссылку поручителя на истечение срока за счет применения ст. 10 ГК РФ. Однако, как представляется, проблема носит более общий (системный) характер, а нерезультативность медиации может оказаться следствием не только злонамеренного поведения поручителя. В связи с этим в принципе странно и алогично, на наш взгляд, выглядит ситуация, когда срок, затраченный кредитором на ADR-процедуру в отношении основного должника (независимо от оснований ее прекращения), не будет противопоставляться кредитору (поскольку давностный срок приостанавливается), а срок, затраченный на аналогичную процедуру в отношении поручителя — напротив, будет (потому что срок, установленный п. 6 ст. 387 ГК РФ, якобы не приостанавливается). Системность требует, как кажется, одинакового отношения к двум указанным случаям, т.е. приостановления соответствующих сроков в обоих сюжетах.

Другой пример. Согласно п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43, предписания п. 3 ст. 202 о приостановлении давности применяются и к установленному законом обязательному претензионному порядку. Соответственно, если кредитор прибегнул к соответствующей несудебной процедуре разрешения спора, течение срока исковой давности приостанавливается. Целесообразно в подобном случае использовать институт приостановления и для сроков, установленных в п. 6 ст. 367 ГК РФ. Иначе трудно объяснить, почему при обращении кредитора к претензионному порядку урегулирования спора в отношении основного должника срок, затраченный на него, не будет противопоставляться кредитору, а в отношении поручителя — наоборот, будет. Ведь в обоих сюжетах речь идет

об обязательной досудебной процедуре, предписанной законом; процедуре, которая ограничивает кредитору доступ к предъявлению иска к соответствующему лицу.

Не исключено применение к сроку поручительства/ залога третьего лица по аналогии правил ст. 204 ГК РФ об остановке течения давности в период судебной защиты права. Подобное решение прямо закреплено в законодательстве некоторых зарубежных стран (например, п. 3 ст. 410 Молдовы).

Применительно к отечественной правовой системе любопытно, что в п. 46 Проекта постановления Пленума ВС РФ о поручительстве прямо указывалось, что со дня обращения кредитора в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права срок поручительства не течет на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита. Однако в финальную версию постановления это положение не вошло, что, на наш взгляд, вовсе не свидетельствует об ошибочности самой идеи.

Потребность в приостановлении (нетечении) давности на время судебного разбирательства уже была выявлена правоприменительной практикой.

Для обсуждения следующего сюжета необходимо напомнить, что согласно п. 18 постановления Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 правила абз. 1 п. 2 ст. 204 ГК РФ *mutatis mutandis* применяются и к ситуации, когда судебная защита прав истца осуществлялась в порядке приказного производства, однако была прекращена. Начавшееся до обращения с заявлением о выдаче судебного приказа течение срока исковой давности продолжается с момента вступления в силу определения об отмене судебного приказа [Карапетов А.Г., 2018: 1235-1237].

В русле сказанного можно теперь обратиться к анализу постановления от 26.02.2024 № 8-П, в котором КС РФ рассматривал сюжет, когда до истечения срока поручительства кредитор предъявил к поручителю требование в порядке приказного производства, но выданный судебный приказ затем был отменен из-за возражений поручителя (причем эта отмена состоялась уже после истечения срока поручительства). КС РФ указал, что в подобном случае с истечением пресекательного срока поручительство не прекращается, поскольку кредитор (взыскатель) правомерно рассчитывает на вытекающую из юридической силы судебного приказа определенность своего правового статуса на протяжении всего периода действия судебного приказа, и у кредитора отсутствует объективная необходимость обращаться к суду с тем же требованием в порядке искового производства до того, как судебный приказ будет отменен. Иное

решение фактически поощряло бы недобросовестного поручителя в его стремлении уклониться от исполнения обязанности в расчете на последующую отмену судебного приказа за пределами годичного срока и сделало бы невозможным возмещение имущественных потерь кредитора, несмотря на добросовестное отстаивание им в суде своих прав в рамках обязательной для этого в соответствии с законом процедуры приказного производства. Хотя Суд не сослался на предписания ст. 204, де-факто он воспроизвел результат, к которому приводило бы применение по аналогии именно этих правил.

Другой пример. Согласно п. 18 постановления Пленума ВС от 29.09.2015 правила п. 1 ст. 204 ГК РФ о нетечении давности со дня обращения в суд в установленном порядке распространяются и на случаи обращения за защитой с ошибкой в компетенции соответствующего суда²¹. Данные правила разумно, на наш взгляд, применять и к срокам, указанным в п. 6 ст. 367 ГК РФ. В противном случае окажется, что ошибка кредитора в подведомственности / неверное восприятие им арбитрабельности спора в отношении требования к основному должнику будет рассматриваться в качестве извинительного для кредитора обстоятельства (и не будет кредиторю противопоставляться), а в отношении требования к поручителю — нет. Логично объяснить такую дифференциацию невозможно.

Показательно, что в практике высших судебных инстанций уже встречался подобный пример. В постановлении от 22.10.2013 № 5737/13 Президиум ВАС признал недопустимым и противоречащим существу правосудия противопоставление кредитору пропуска срока обращения к поручителю, допущенного вследствие извинительной ошибки кредитора в подведомственности спора и при активном участии ответчика в разбирательстве в «некомпетентном» суде. Тем самым ВАС по сути признал правоту выдвигаемого нами тезиса — извинительный характер ошибки в компетенции по спору кредитора с поручителем. Следствием этого в сегодняшней системе координат должно быть применение к сроку, установленному в п. 6 ст. 367 ГК РФ, правил п. 1 ст. 204 ГК РФ о нетечении срока на все время осуществления судебной защиты с ошибкой кредитора в компетенции соответствующего суда.

Допустимо, на наш взгляд, применение к сроку поручительства/залога третьего лица по аналогии правил о перерыве давностного срока.

---

²¹ См. также: определения ВС РФ от 28.01.2016 № 307-ЭС15-12729, от 10.09.2019 № 305-ЭС19-11815.

Согласно ст. 203 ГК РФ совершение должником действий, свидетельствующих о признании долга, прерывает течение исковой давности; после перерыва течение давностного срока начинается заново. В основе правил о перерыве давностного срока лежит доктрина непротиворечивого поведения (*venire contra factum proprium*, эстоппель), являющаяся эманацией принципа добросовестности.

Согласно этой доктрине, если лицо своим поведением создает у участников оборота видимость направленности своей воли, то правопорядок должен обеспечить защиту разумно сформировавшихся под влиянием этой видимости ожиданий и не позволять данному лицу в дальнейшем игнорировать созданную видимость и действовать в противоречии с ней. Раз должник, признавая долг, своими действиями порождает у кредитора рациональное предположение последующего погашения имеющейся задолженности, полагаясь на которое кредитор может воздерживаться от предъявления иска к должнику, последний должен нести все последствия созданного им предположения. Именно по этой причине после перерыва давность начинает течь заново, а кредитору вновь оставляется полноценный срок для защиты нарушенного права [Карапетов А.Г., 2018: 1223–1224].

Представим ситуацию, когда в ответ на обращение кредитора в пределах срока, установленного в п. 6 ст. 367 ГК РФ, поручитель направляет в адрес кредитора сообщение, содержащее признание долга и обещание его погасить в самое ближайшее время, или спрашивает кредитора об отсрочке. Неужели справедливо оставить без адекватной реакции подобные действия поручителя, позволив ему в дальнейшем сослаться на истечение срока, установленного в ст. 367 ГК РФ, в пределах испрошенной им отсрочки? Кажется, что, будучи универсальным принципом, добросовестность должна работать и в данном случае. Если поручитель своим поведением создает у кредитора разумные ожидания скорого погашения долга, промедление кредитора с предъявлением иска к поручителю является вполне обоснованным, а истекший срок нельзя противопоставлять кредитору [Бисултанов Я.Х.-М., 2018: 183–184]. Иное будет поощрением недобросовестности и вступает в противоречие с предписаниями п. 4 ст. 1 ГК РФ. В связи с этим использование к сроку поручительства по аналогии правил ст. 203 кажется вполне оправданным.

Здесь необходима важная оговорка. Сюжеты, охватываемые используемой в ст. 203 категорией «действия, свидетельствующие о признании долга», крайне разнообразны [Карапетов А.Г., 2018: 1227–1229]; [Савин К.Г., 2019: 138–148]. В рассмотренном выше слу-

чае, в котором речь шла о подлинно сделочном письменном признании поручителем долга (например, сообщении поручителя, в котором содержится его указание на то, что соответствующий долг будет погашен им через определенный промежуток времени), вывод о недопустимости поручителя в дальнейшем манкировать этим признанием, ссылаясь на истечение срока поручительства, не вызывает сомнений. Альтернативным объяснением защиты кредитора в подобной ситуации может быть констатация изменения срока поручительства односторонним волеизъявлением поручителя. Поскольку такое изменение направлено к выгоде кредитора, то акцепт последнего предполагается, а конститутивная письменная форма (ст. 362 ГК РФ) такого изменения будет считаться соблюденной [Вебер Х., 2009: 69]; [Карапетов А.Г., 2017: 454–455].

Однако возможность применения правил ст. 203 ГК РФ о перерыве и возобновлении срока по отношению к иным действиям поручителя, «свидетельствующим о признании долга» (в которых не воплощается его подлинной воли, или которые совершены вне конститутивной письменной формы), может вызывать вопросы. На первый взгляд кажется, что правила ст. 203 ГК РФ применимы к любым действиям поручителя, свидетельствующим о признании долга. Если такие действия разумно создают у кредитора впечатление о скором погашении поручителем задолженности и тем самым оправдывают промедление кредитора в обращении с иском в суд, то эти действия могут противопоставляться поручителю. В пользу такого универсального применения свидетельствуют, на наш взгляд, два обстоятельства.

Во-первых, в ситуации, когда речь шла бы о применении подлинно давностных сроков по требованию к поручителю, не возникло бы сомнений в обоснованности противопоставления поручителю любых соответствующих его действий. Так почему же решение должно меняться в отношении динамики срока поручительства? Ведь речь идет о правовой реакции на аналогичное поведение поручителя, а вопрос хотя и ставится применительно к иному, но выполняющему тот же самый функционал, сроку. Во-вторых, в основании правил ст. 203 ГК РФ о перерыве срока лежит принцип добросовестности. Если мы можем обеспечить защиту прав кредитора в рассматриваемом сюжете с помощью применения общих правил п. 4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, то почему же использование специальных (а потому более корректных к применению) правил ст. 203 ГК РФ должно быть исключено?

Впрочем, возможно, не стоит сбрасывать со счетов явную специфику договора поручительства (его односторонний характер; не пре-

допределенность, а только вероятность его возможных последствий, что создает благоприятную почву для реализации отдельных когнитивных искажений потенциального поручителя; достаточно серьезный характер этих последствий). Эта специфика приводит к тому, что практически все национальные правопорядки устанавливают особые требования к выражению воли поручителя (например, явный и недвусмысленный характер его волеизъявления, как того требуют итальянский и испанский правопорядки [Drobniг U., 2007: 417–422]). В современном отечественном законодательстве эта идея воплощается в предписаниях ст. 362 ГК РФ, требующей совершения поручительства в письменной форме под страхом недействительности. Ввиду этой специфики поручительства возможно, что стандарт восприятия кредитором поведения поручителя как свидетельствующего о его намерении погасить долг, должен повышаться по сравнению с оценкой кредитором соответствующего поведения ординарного должника, а любые сомнения в корректности восприятия кредитором поведения поручителя должны трактоваться в пользу последнего.

Возможно, на наш взгляд, применение *mutatis mutandis* к сроку, установленному в п. 6 ст. 367 ГК РФ, общей идеи о возобновлении давностного срока.

Согласно п. 2 ст. 206 ГК РФ, если по истечении срока исковой давности должник или иное обязанное лицо признает в письменной форме свой долг, течение исковой давности начинается заново. В основе предписаний ст. 206 ГК РФ, на наш взгляд, лежит институт отказа от права (принцип *waivier*, который также уходит корнями в принцип добросовестности). В соответствии с ним отказ лица от принадлежащего ему права влечет прекращение этого права. Поскольку в результате волеизъявления лица об отказе от права (сделки, направленной на такой отказ) последнее прекращается, оно не может быть в последующем реализовано [Билык Д.М., 2023: 169–178]; [Саркисян А.В., 2020: 12–16]. Схожим образом объясняется этот феномен в юридической литературе тех иностранных правопорядков, которые не имеют на уровне позитивного права нормы, аналогичной п. 2 ст. 206, но допускают признание должником долга после истечения давностного срока и признают за таким признанием эффект «перезапуска» этого срока [Fenyves A., Kerschner F., Vonkilch A., 2012: 47–48].

Применительно к сроку, установленному в п. 6 ст. 367 ГК РФ, у поручителя нет возражения, поэтому в буквальном смысле отказ от него посредством сделки поручителя слова невозможен. Однако отсюда вовсе не следует, что совершенное после истечения срока

поручительства письменное волеизъявление поручителя, явно выражающее его намерение погасить возникшую из договора поручительства задолженность, не имеет никакого значения и влечет никаких последствий для поручителя. Такое волеизъявление вполне может восприниматься в качестве письменного принятия на себя нового поручительства. Ввиду того, что требование ст. 362 ГК РФ о конститутивной письменной форме поручительства адресовано законодателем прежде всего (а может быть, и только), форме волеизъявления поручителя [Карапетов А.Г., 2017: 455], это требование в подобной ситуации будет считаться соблюденным. Тем самым будет достигнут тот же итог, что и при возобновлении срока. Альтернативным вариантом защиты прав кредитора в рассматриваемом сюжете может быть не применение п. 2 ст. 206 ГК РФ по аналогии закона, а использование общих правил п. 4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ о добросовестности и запрете злоупотребления правом.

Интересен вопрос о судьбе дополнительных требований при пропуске пресекательного срока поручительства. Представим, что договором поручительства установлено начисление процентов или пеней в случае просрочки выплаты со стороны поручителя. Какова судьба этих процентов / пеней после истечения срока поручительства? Кажется логичным вывод, что ввиду подобного истечения срока прекращается не только само обязательство поручителя (основное для данного сюжета), но и его дополнительные обязательства по уплате процентов / пеней. Теоретически обосновать этот вывод может помочь применение п. 1 ст. 207 ГК РФ по аналогии закона.

Сомнения в применении по аналогии к сроку поручительства / залога третьего лица вызывает ст. 205 ГК РФ о восстановлении срока. Правда, сомнения эти связаны не с природой рассматриваемого срока, а с искусственностью, на наш взгляд, самого института восстановления. Нельзя не отметить, что подобный институт практически неизвестен иностранным законодательствам (за исключением ряда стран постсоветского пространства) [Савин К.Г., 2019: 151–156]. В отечественном правопорядке он впервые появился в ГК РСФСР 1922 г., видимо, в целях предоставления суду, рассматривающему спор, инструмента восстановления социальной справедливости. Однако соответствующие задачи сегодня могут и должны решаться с помощью иного инструментария (в частности, корректной настройки правил о начале течения, приостановлении и нетечении давностного срока), а потому в современных условиях продолжение существования института восстановления давностного срока, на наш взгляд, крайне сомнительно. В связи с этим тем более сом-

нительна экстраполяция правил ст. 205 ГК РФ на срок поручительства / залога третьего лица.

Сказанное наглядно демонстрирует насущную потребность в применении к исчислению сроков, предусмотренных в п. 6 ст. 367 ГК РФ, практически всего комплекса правил гл. 12 ГК РФ об исковой давности. Несмотря на скепсис современной правоприменительной практики, такое применение не только теоретически возможно, но и оправдано. Оно крайне необходимо еще и потому, что позволяет сделать исчисление соответствующих сроков более гибким и учесть многие важные факторы.

3. Сфера применения предписаний п. 6 ст. 367 ГК РФ

Согласно Постановлению КС РФ от 15.04.2020 № 18-П, обоснованием как необходимости срока, установленного в п. 6 ст. 367 ГК РФ, так и пресекающего характера этого срока, выступает статус обеспечителя как третьего лица.

Подчеркивая это обстоятельство, КС РФ указывает, что правило о прекращении поручительства (залога третьего лица), не допускающее бессрочного существования обязательства поручителя (залогодателя), имеет целью обеспечение определенности правового положения такого обеспечителя, не являющегося должником по обязательству. Такому лицу должна быть создана возможность в разумных пределах предвидеть имущественные последствия обеспечения. В связи с этим КС РФ констатирует (абз. 4 п. 3): «Отсутствие временных рамок для удовлетворения требования об обращении взыскания на предмет залога, срок которого в договоре не установлен, приводило бы к неопределенному во времени обременению права собственности залогодателя по не зависящим от него причинам. С учетом продолжительности общего срока исковой давности (ст. 196 ГК РФ), правил о перерыве и приостановлении его течения и о его восстановлении сохранение возможности обратиться взыскание на предмет залога во всех случаях, пока может быть удовлетворено требование к основному должнику, нарушало бы баланс интересов участников данных правоотношений. Залогодатель, желающий распорядиться своим имуществом, был бы вынужден исполнять обязательство основного должника, притом что кредитор мог и не предпринимать действий по реализации своих прав. Следовательно, неопределенность срока существования залога вела бы к непропорциональному ограничению возможности участников гражданского оборота распоряжаться своим имуществом».

Прежде всего указанные опасения, на наш взгляд, напрасны. Большинству современных правопорядков известно бессрочное обеспечение третьего лица (например, бессрочное поручительство) [Drobnig U., 2007: 274-276]; [Кобченко И., 2023: 487–494]. Дореволюционное российское право также знало бессрочное поручительство, а указание на исключительно срочный характер поручительства в отечественном законодательстве было впервые закреплено в ст. 250 ГК РСФСР 1922 г.

Возможное отсутствие срока поручительства / залога третьего лица, само по себе, вовсе не ущемляет интереса обеспечительного должника. Его интересы вполне защищает срок исковой давности по требованию к нему. При этом соответствующий срок является отдельным (п. 1 ст. 207 ГК РФ), не выступает составной частью давностного срока по основному требованию (требованию к основному должнику). Поэтому динамика последнего (его возможные перерыв, приостановление или нетечение), вопреки утверждению КС РФ, не отражаются на сроке давности к обеспечительному должнику и не препятствуют истечению такого срока.

Соответственно, никакой угрозы состояния «вечной подвешенности» («неопределенного по времени ограничения права собственности») конструкция бессрочного поручительства / залога третьего лица в себе не таит. Современная правоприменительная практика справляется с задачей защиты интересов обеспечителя при помощи сроков исковой давности. Так, например, длительное время отечественная судебная практика исходила из идеи прекращения залога третьего лица в случае истечения срока исковой давности по требованию к основному должнику (что в силу п. 1 ст. 207 ГК РФ влечет и задавленность требования кредитора к залогодателю — третьему лицу)²². Та же логика применима и к ситуации истечения давностного срока исключительно по требованию кредитора к обеспечителю.

В настоящее время п. 19 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» указывает, что в случае истечения срока исковой давности по требованию об обращении взыскания на предмет залога залогодатель вправе предъявить иск к залогодержателю (кредитору) о погашении записи о зарегистрированном залоге (ст. 6, п. 2 ст. 352 ГК РФ). Хотя ВС РФ

---

²² См.: определения ВС РФ от 01.11.2016 № 127-КГ16-10, от 01.11.2016 № 84-КГ16-7, от 17.11.2020 № 5-КГ20-82-К2). Обсуждение этого подхода см.: Петербургская Цивилистика. № 2.27. Судьба залога при истечении исковой давности по основному требованию. Available at: URL: https://www.youtube.com/watch?v=wy7НТУ4jE_c&list (дата обращения: 25.12.2025)

уже не упоминает о прекращении залога ввиду истечения давностного срока (возможно, отказавшись от этой концепции), он в любом случае допускает в такой ситуации погашение записи о залоге, тем самым исключая возможность «неопределенного по времени ограничения права собственности» залогодателя — третьего лица.

Однако позиция КС из мотивировочной части постановления от 15.04.2020 интересна еще в одном важном вопросе. Если принять тезис Суда, что потребность в защите интересов обеспечительного должника детерминирована исключительно его статусом третьего лица применительно к основному обязательству (его участием в обеспечении чужого долга), это может и должно повлечь концептуальный пересмотр вопросов об условиях и сфере применения сроков, установленных в п. 6 ст. 367 ГК РФ. Так, в сюжете, когда залогодержатель лишь формально является третьим лицом, однако экономически представляет собой одно целое с основным должником (например, залогодателем выступает единственный участник общества — основного должника), предоставленный залог должен, по логике КС РФ, рассматриваться в качестве залога самого должника. Поскольку последний является по общему правилу бессрочным, то возможная ссылка залогодателя на предписания п. 6 ст. 367 ГК РФ об истечении срока залога не должна допускаться. Таким образом, всякий залог третьего лица, экономически связанного с основным должником, должен квалифицироваться как бессрочный, если иное прямо не установлено в договоре залога.

Еще более кардинальные изменения принятие КС РФ этой идеи повлечет для поручительства. Если особая цель пресекательных сроков, установленных в п. 6 ст. 367 ГК РФ, заключается в защите интересов обеспечителя как третьего лица, следует признать, что экономически связанный с основным должником поручитель не заслуживает подобной защиты. Соответственно, в сюжете, например, когда поручителем является подлинный собственник бизнеса юридического лица, лишь формально выступающий в качестве отдельного от этого лица субъекта, ссылка такого поручителя на истечение сроков, установленных в п. 6 ст. 367 ГК РФ, не должна приниматься во внимание (должна быть отвергнута на основании ст. 10 ГК РФ). Соответственно, воплощение в жизнь идеи КС РФ влечет появление в современном отечественном праве бессрочного поручительства — в ситуации, когда поручитель экономически связан с основным должником, такое поручительство должно презюмироваться как бессрочное, иное может быть прямо установлено в договоре поручительства.

Ничего страшного в подобном развитии событий мы не видим. Как уже указывалось, сущность поручительства не предопределяет исключительно срочного его характера. Последний является лишь возможным (но вовсе не обязательным) политико-правовым выбором отдельного правопорядка в конкретную историческую эпоху. Исторический и компаративный опыт показывает принципиальную возможность существования бессрочных поручительств и их адекватное регулирование соответствующими правовыми системами. При этом повторим, что бессрочный характер поручительства вовсе не грозит превратить его в «вечное обязательство» поручителя, не помещает последнее в состояние «вечной подвешенности». В любом случае, адекватной защитой интересов поручителя выступает срок исковой давности по требованию к нему.

Не испытывая фобий к изменению подходов правоприменительной практики, к которым способно привести принятие обсуждаемых выводов КС РФ, мы не можем не обратить внимания на потенциальные масштабы такого изменения. Ведь в подавляющем большинстве случаев, имеющих сегодня место на практике, обеспечитель экономически связан с основным должником. Недаром еще в постановлении от 11.02.2014 № 14510/13 Президиум ВАС констатировал, что именно «аффилированность поручителя и заемщика, как правило, обуславливает выдачу соответствующего обеспечения». Поручительство / залог участника общества, предоставленный в обеспечение обязательств последнего, крайне распространено и является «классическим» для современной практики. В связи с этим в ближайшее время нас, вероятно, ожидают поистине революционные изменения.

Первые воплощения рассматриваемой идеи КС РФ уже встречаются в судебной практике — схожий сюжет даже был предметом рассмотрения ВС РФ²³. Согласно фабуле этого дела банк (кредитор) и общество 1 (заемщик) заключили кредитные договоры. В обеспечение обязательств заемщика между банком и обществом 2 (которое входило с обществом 1 в единую группу компаний и контролировалось одними и теми же лицами) как залогодателем были заключены договоры об ипотеке. Поскольку свои обязательства по кредитным договорам заемщик не исполнил, банк за пределами сроков, установленных в п. 6 ст. 367 ГК РФ, обратился в суд с иском к обществу-залогодателю об обращении взыскания на предмет залога. Нижестоящие суды удовлетворили иск, указав, что к входящему с

---

²³ Определение от 08.04.2025 № 306-ЭС24-7461.

должником в одну группу лиц залогодателю, не могут быть применены нормы п. 6 о сроке, поскольку залогодатель, являясь аффилированным лицом с заемщиком, фактически совпадает с ним в одном лице и с учетом совпадения воли, между такими лицами безусловно исключается какая-либо неопределенность в существовании их прав и обязанностей.

Однако ВС РФ отменил эти акты и в иске отказал, сославшись на ошибочность толкования нижестоящими судами п. 6 ст. 367 ГК РФ как не подлежащего применению к правоотношениям между кредитором, заемщиком и залогодателем, если заемщик и залогодатель аффилированы между собой. Такое толкование, по мнению ВС РФ, противоречит целям законодательного регулирования. В действительности именно аффилированность поручителя (залогодателя) и заемщика, как правило, обуславливает выдачу соответствующего обеспечения. Кроме того, Суд подчеркнул, что гражданское законодательство о юридических лицах построено на основе принципов отделения их активов от активов участников, имущественной обособленности, ограниченной ответственности и самостоятельной правосубъектности. Это предполагает приобретение и осуществление юридическим лицом своих гражданских прав своей волей и в своем интересе. Указав, что заемщик и залогодатель совпали в одном лице, суды фактически проигнорировали их самостоятельную юридическую личность, не приведя каких-либо, кроме собственно аффилированности, оснований для стирания правовых границ между ними²⁴.

В этой «заочной дискуссии» нам больше импонирует позиция нижестоящих судов. Представляется, что если потребность в особой правовой защите посредством пресекательных сроков, установленных в п. 6 ст. 367 ГК РФ, вызвана желанием законодателя устранить неопределенность правового положения обеспечителя в отношении чужого для него долга (а именно таково конституционно-правовое толкование, предлагаемое КС РФ), такой защитой не может пользоваться обеспечитель, лишь формально имеющий статус третьего лица.

ВС РФ, как видно из приведенного определения, пока не готов к принятию подходов КС РФ и к изменению собственной практики. Возможной причиной такого консерватизма ВС РФ является не только осознание масштабов возможного изменения правоприме-

---

²⁴ Обсуждение этого дела см.: Петербургская Цивилистика. № 6.29. Влияет ли аффилированность должника и залогодателя на срок залога (п. 6 ст. 367 ГК)? Available at: URL: <https://youtu.be/EG3n8IvxV68?si=hm86j6mC1jdELDPK> (дата обращения: 25.12.2025)

нительной практики, но и отсутствие у ВС РФ понимания, какова должна быть степень экономической связанности обеспечителя и основного должника, чтобы уверенно делать вывод о бессрочном характере предоставленного обеспечения. Ведь, с одной стороны, странно игнорировать статус обеспечителя как единоличного и полного хозяина бизнеса общества—должника и законодательно предоставлять такому обеспечителю защиту, нормативно рассчитанную на участие в чужом долге. Однако равным образом вряд ли справедливо рассматривать в качестве бессрочного поручительство/зalog, предоставленный лицом, которое обладает крайне незначительной долей в уставной капитале общества—должника. Так мы рискуем впасть в иную крайность.

Очевидно, что сама по себе аффилированность обеспечителя с основным должником не может служить окончательным основанием для соответствующих выводов. Требуется установление такой степени экономической зависимости / контроля, которая позволила бы уверенно утверждать о том, что долг основного должника является для обеспечителя «своим», а его участие в обеспечении такого долга направлено на защиту собственных интересов (инвестиций). Определением такой степени и критериев ее установления, видимо, и предстоит заняться в ближайшее время правоприменительной практике.

Заключение

Несмотря на важную роль, которую установленные в п. 6 ст. 367 ГК РФ сроки поручительства / залога третьего лица играют в современном обороте, степень их изученности в науке остается неудовлетворительной. Обращение КС РФ к соответствующей проблематике в постановлениях от 15.04.2020 № 18-П и от 26.02.2024 № 8-П следует воспринимать в качестве повода к возобновлению научной дискуссии по ключевым вопросам режима этих сроков. Попыткой такого возобновления и одновременным приглашением к дискуссии всех заинтересованных лиц и являлась настоящая статья.

Анализируя указанные постановления, следует отметить обращение КС РФ к телеологическому толкованию рассматриваемой нормы, что уже заслуживает поддержки. При этом в отношении выводов, сделанных Судом в этих постановлениях, целесообразно воздержаться от их однозначных оценок.

В вопросе о природе сроков, установленных в п. 6 ст. 367 ГК РФ, КС РФ выразил приверженность взгляду на эти сроки как пресекательные (преклюзивные). Этот подход является традиционным для

современной отечественной доктрины и практики. Он вполне допустим, хотя далеко не бесспорен. При этом его поддержка со стороны КС РФ не должна закрывать глаза на отсутствие системности использования законодателем давностных и пресекательных сроков. Видимо, отечественной догматике еще предстоит выработка четкой и непротиворечивой доктрины преклюзивных сроков, наподобие той, что существует в германском праве.

Вывод КС РФ о недопустимости применения к исчислению сроков, установленных в ст. 367 ГК РФ, правил гл. 12 ГК РФ об исковой давности, на наш взгляд, не имеет должного догматического обоснования. Когда КС РФ рассматривал вопрос о судьбе срока поручительства в случае последовавшей после окончания этого срока отмены ранее вынесенного судебного приказа в рамках постановления от 26.02.2024, он принял справедливое, на наш взгляд, решение, исключая возможность поручителя ссылаться на соответствующее истечение срока. При этом такое решение может быть, на наш взгляд, более корректно обосновано за счет применения по аналогии правила ст. 204 ГК РФ о нетечении срока на время судебного разбирательства.

Проведенный анализ также позволяет утверждать о целесообразности и уместности применения к сроку поручительства / залогоу третьего лица по аналогии и иных правил об исчислении давностных сроков.

Наконец, вывод КС РФ из постановления 15.04.2020, что потребность в особой правовой защите посредством пресекательных сроков, установленных в п. 6 ст. 367 ГК РФ, детерминирована желанием законодателя устранить неопределенность правового положения обеспечителя — третьего лица в отношении чужого для него долга, кажется нам чрезвычайно важным и заслуживает поддержки. Принятие этой идеи означает, что такой защитой не может пользоваться обеспечитель, лишь формально имеющий статус третьего лица, а в действительности составляющий с должником экономически одно целое. Остается лишь сожалеть, что этот вывод не отрефлексирован в должной степени современной цивилистической доктриной и не получил пока полного воплощения в отечественной правоприменительной практике.

Список источников

1. Абрамов С.Н. Исковая давность. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946. 24 с.

2. Агарков М.М., Генкин Д.М. (ред.) Гражданское право. Т. 1. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1944. 419 с.
3. Актянов Д.Д. Последствия «возрождения» обязательства / Петербургская цивилистика 2.2: Сборник работ выпускников кафедры гражданского права СПбГУ. М.: Статут, 2023. С. 124–147.
4. Асосков А.В. Пресекательные сроки и их соотношение с другими видами гражданско-правовых сроков // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 46–73.
5. Бевзенко Р.С. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам поручительства и банковской гарантии: Комментарий к Постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» и от 23.03.2012 № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий». М.: Статут, 2013. 230 с.
6. Билык Д.М. Возобновление давностного срока (пункт 2 статьи 206 Гражданского кодекса Российской Федерации) // Арбитражные споры. 2023. № 3. С. 169–178.
7. Бисултанов Я.Х.-М. Действия, свидетельствующие о признании долга по ст. 203 ГК: теоретическая конструкция и соотношение с признанием долга по ст. 206 ГК // Закон. 2018. № 2. С. 175–191.
8. Вебер Х. Обеспечение обязательств. М.: Волтерс Клувер, 2009. 480 с.
9. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.
10. Карапетов А.Г. (ред.) Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-Логос, 2017. 1120 с.
11. Карапетов А.Г. (отв. ред.) Общие положения о сделке: комментарий к статьям 153–165.1, 181.1–181.5 и 190–194 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-Логос, 2025. 844 с.
12. Карапетов А.Г. (ред.) Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-Логос, 2020. 1469 с.
13. Карапетов А.Г. (ред.) Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.
14. Кириллова М.Я. Исковая давность. М.: Юридическая литература, 1966. 156 с.
15. Кобченко И. Срок поручительства / Цивилисты об обязательствах: общая часть. Выпуск 1: сборник публикаций. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2023. С. 487–494.
16. Ринг М.П. К вопросу об отграничении сроков исковой давности от некоторых других сроков гражданского права / Ученые записки Ростовского государственного университета. 1955, № 1. С. 20–39.
17. Савин К.Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве: дисс. ... к. ю. н. М., 2019. 204 с.
18. Сарбаш С.В. Поручительство: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве». М.: М-Логос, 2021. 551 с.

19. Саркисян А.В. Отказ от права: опыт сравнительно-правового анализа// Петербургская цивилистика 2.1 / Сборник работ выпускников кафедры гражданского права СПбГУ. М.: Статут, 2020. С. 6–26.
20. Тюшевская А.Ю. Срок поручительства и правовые последствия его истечения // Арбитражные споры. 2023. № 3. С. 179–194.
21. Шнигер Д.О., Долгушин А.Е. Атропос для поручительства: пресекательный срок в правильном истолковании // Закон. 2021. № 4. С. 137–146.
22. Drobniг U. Principles of European Law. Personal Security / Study Group on a European Civil Code. Oxford: University Press,, 2007. 567 p.
23. Fenyves A., Kerschner F., Vonkilch A. ABGB. §§ 1451 to 1502. 3rd ed. Vienna: Verlag Österreich, 2012. 590 S.
24. Moufang O. Das Verhältnis der Ausschlussfristen zur Verjährung. Berlin: Peter Lang, 1996. 166 S.
25. Smeehuijzen J.L. De bevrijdende verjaring. Amsterdam: University Press, 2008. 374 p.

References

1. Abramov S.N. (1946) Prescription. Moscow: Publishing House of the Ministry of Justice, 24 p. (in Russ.)
2. Agarkov M.M., Genkin D.M. (eds.) (1944) Civil Law. Vol. 1. Moscow: People's Commissariat of Justice Publishers, 419 p. (in Russ.)
3. Aktyanov D.D. (2023) Consequences of the “Revival” of Honestly. In: A.A. Pavlov (ed.) Petersburg Civil Law. Issue 2.2: Collection of works by graduates of the law department of Saint Petersburg State University. Moscow: Statut, pp. 124–147 (in Russ.)
4. Asoskov A.V. (2018) Preclusive terms and their interaction with other types of civil-law terms. *Vestnik grazhdanskogo prava*=Bulletin of Civil Law, no. 4, pp. 46–73. DOI: 10.24031/1992-2043-2018-18-4-46-73 (in Russ.)
5. Bevzenko R.S. (2013) Positions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on surety and bank guarantee: Commentary on the Resolutions of the Plenum “On certain resolutions of disputes, rights with surety” and “On certain court hearings on the resolution of disputes related to challenging bank guarantees”. Moscow: Statut, 230 p. (in Russ.)
6. Bilyk D.M. (2023) Resumption of the limitation period (clause 2 of Article 206 of the Civil Code). *Arbitrazhny'e spory*=Arbitration Disputes, no. 3, pp. 169–178 (in Russ.)
7. Bisultanov Ya. Kh.- M. (2018) Acknowledgment of a debt under Art. 203 of Russian Civil Code: theoretical framework and comparison with an acknowledgment of a debt under Art. 206 of Code. *Zakon*=Law, no 2, pp. 175–191 (in Russ.)
8. Drobniг U. (2007) Principles of European law. Personal security. Study Group on a European Civil Code. Oxford: University Press, 567 p.
9. Fenyves A., Kerschner F., Vonkilch A. (2012) ABGB. §§ 1451 to 1502. 3rd ed. Vienna: Verlag Österreich, 590 S.
10. Ioffe O.S. (1975) Law of obligations. Moscow: Juridicheskaya Literatura, 880 p. (in Russ.)
11. Karapetov A.G. (ed.) (2017) Contractual and obligatory law (general part): Article-by-Article commentary to articles 307–453 of the Civil Code. Moscow: M-Logos, 1120 p. (in Russ.)

12. Karapetov A.G. (ed.) (2018) Transactions, representation, and limitation period: commentary on articles 153–208 of the Civil Code. Moscow: M-Logos, 1264 p. (in Russ.)
13. Karapetov A.G. (ed.) (2020) Basic provisions of civil rights: commentary to articles 1–16.1 of the Civil Code. Moscow: M-Logos, 1469 p. (in Russ.)
14. Karapetov A.G. (ed.) (2025) General provisions on transactions: commentary on articles 153–165.1, 181.1–181.5, and 190–194 of the Civil Code. Moscow: M-Logos, 844 p. (in Russ.)
15. Kirillova M. Ya. (1966) Prescription. Moscow: Juridicheskaya Literatura, 156 p. (in Russ.)
16. Kobchenko I. (2023) Term of suretyship. In: Civil lawyers about obligations. A collection of papers. Moscow: Association of the Russian School of Private Law Graduates, pp. 487–494 (in Russ.)
17. Moufang O. Das Verhältnis der Ausschlussfristen zur Verjährung. Berlin: Peter Lang, 1996. 166 S.
18. Ring M.P. (1955) Distinguishing between Limitation Period and Certain other Periods of Civil Law. *Uchenye zapiski Rostovskogo universiteta*=Scholar Notes of the Rostov State University, no. 1, pp. 20–39 (in Russ.)
19. Sarbash S. V. (2021) Surety: commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On Certain Issues of Resolving Disputes on Suretyship”. Moscow: M-Logos, 551 p. (in Russ.)
20. Sarkisian A.V. (2020) Waiver of rights: a comparative analysis. In: Saint Petersburg Civil Law. Issue 2. 1: A collection of works by graduates of the law department of Saint Petersburg State University. Moscow: Statut, pp. 6–26 (in Russ.)
21. Savin K.G. (2019) Limitation period in modern domestic and foreign civil law: Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 204 p. (in Russ.)
22. Shniger D.O., Dolgushin A.E. (2021) A propos for guarantee: correct interpretation of preclusive term. *Zakon*=Law, no 4, pp. 137–146 (in Russ.)
23. Smeehuijzen J.L. (2008) De bevrijdende verjaring. Vrije Universiteit. Amsterdam: University Press, 374 p.
24. Tyushevskaya A. Yu. (2023) Term of suretyship and legal consequences of its expiration. *Arbitrazhny'e spory*=Arbitration Disputes, no. 3, pp. 179–194 (in Russ.)
25. Weber H. (2009) *Security of obligations*. Moscow: Wolters Kluwer, 480 p. (in Russ.)

Информация об авторе:

А.А. Павлов — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

A.A. Pavlov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted to editorial office 14.01.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.